

## Значеніе Петра Великаго въ исторіи русской школы <sup>1)</sup>.

Еслибъ меня спросили: «Какіе столпы церкви и государства? я бы отвѣчалъ: «Во-первыхъ училища, вторыхъ, училища и, въ третьихъ, училища».

*(Слова Паисія Линарида).*

Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить значеніе законодательныхъ мѣръ Петра Великаго относительно школъ, необходимо бросить хоть бѣглый взглядъ на то, что было сдѣлано въ отношеніи учебного дѣла до него.

До-петровская Русь жила совершенно особою отъ Запада жизнью. Монгольское иго, перенесеніе главнаго политическаго центра съ юго-запада на отдаленный сѣверо-востокъ, недружелюбныя къ Москвѣ отношенія западныхъ сосѣдей ея: Швеція, Ливоніи и Польши—вотъ главныя причины отчужденія Московской Руси отъ Европы. Слѣдствіемъ этого отчужденія было печальное состояніе русской образованности до Петра. То, что на Западѣ было сдѣлано совокупными силами нѣсколькихъ народовъ при болѣе благоприятныхъ условіяхъ мѣстныхъ и историческихъ, конечно, не могло быть исполнено русскимъ народомъ, предоставленнымъ только самому себѣ и при томъ находившимся въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Государство напрягаетъ все свои силы въ непрерывныхъ войнахъ. Народъ, разсѣянный по обширной странѣ, богатой при разумномъ трудѣ, но бѣдной

---

<sup>1)</sup> *Семья и школа. 1872 г. № 5.* Главная цѣль этой статьи разсмотрѣть указы Петра Великаго относительно школъ. Хотя и приходилось намъ указывать на нѣкоторыя черты тогдашнихъ училищъ и учебниковъ, но обстоятельнаго описанія тѣхъ и другихъ не имѣлось въ виду.

при всеобщемъ невѣжествѣ и отсутствіи всякихъ реальныхъ знаній, занять исключительно удовлетвореніемъ своихъ матеріальныхъ нуждъ. Деревенская жизнь преобладаетъ надъ городской, многолюдныхъ центровъ крайне мало. Все это было, конечно, весьма неблагоприятно для развитія образованности.

Византія, просвѣтившая Русь христіанствомъ, оказавъ огромную услугу въ религіозномъ отношеніи, не могла пробудить живой умственной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ. Византійское научное знаніе въ это время находилось въ крайнемъ упадкѣ. Г. Лавровскій въ своемъ изслѣдованіи о древнихъ русскихъ училищахъ говоритъ: «Творческій духъ грековъ ослабѣвалъ постепенно, и истинно-христіанское начало стѣснялось одно-сторонней догмой. Наука не имѣла жизненности, внутренней силы, свѣжести, не обращалась въ жизнь и сама не питалась жизнью, облеченная въ сухія формы, она существовала отдѣльно, почти не касаясь живыхъ современныхъ вопросовъ общества. Утонченная діалектика въ области богословія, искусственныя и пустыя умозрѣнія въ философіи, декламация вмѣсто истиннаго краснорѣчія—вотъ что болѣе всего составляло ученія занятія византійскихъ грековъ, но, конечно, не науку въ ея истинномъ значеніи<sup>1)</sup>. Понятно, что подобная безжизненная школьная ученость не могла оказать сильнаго и благотворнаго вліянія на умственную жизнь другого народа; она отразилась только на церковной литературѣ.

Церковь является одинокой представительницей духовныхъ интересовъ человѣка въ древней Руси. Одни только церковно-религіозные идеалы и являлись для людей, которые силою духа возвышались надъ общимъ уровнемъ. Церковно-религіозный элементъ проникаетъ всѣ интеллектуальныя явленія древней Руси. Лучшее поприще земной жизни, какъ приготовленія къ небесной, представляетъ монастырь. Идеаль человѣка съ духомъ, преобладающимъ надъ плотью,—монахъ, ведущій религіозно-созерцательную, подвижническую жизнь. Образованіе дѣтей зависѣло, безъ сомнѣнія, отъ этого идеала: христіанское благочестіе и сми-

---

<sup>1)</sup> Щаповъ, Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа, стр. 13.

ренномудріє были главными задачами воспитанія; умственное образованіе состояло въ обученіи механизму чтенія, письму, въ изученіи важнѣйшихъ церковныхъ книгъ<sup>1)</sup>. Книги, входившія въ составъ церковныхъ книгохранилищъ, были преимущественно церковныя, догматическія и религіозно-дидактическія. Книги эти были единственнымъ источникомъ мудрости; изъ нихъ, по словамъ лѣтописца, человекъ почерпаетъ знаніе «пути покаянія, утѣшеніе въ печаляхъ и узду воздержанія»<sup>2)</sup>. Сами князья, содѣйствуя торжеству новой вѣры, заботились объ обученіи дѣтей: уже при Владимірѣ и Ярославѣ отбирали дѣтей у лучшихъ гражданъ, учили ихъ грамотѣ и догматамъ новой вѣры. Впослѣдствіи обученіе дѣтей должно было еще болѣе распространиться. Можно считать достовѣрнымъ извѣстіе о существованіи училищъ при церквахъ, дворахъ епископскихъ и заводимыхъ князьями на свой счетъ. Въ этихъ училищахъ учили и греческому языку, такъ какъ нужны были переводы духовныхъ книгъ съ греческаго языка<sup>3)</sup>. Несомнѣнно, что главною цѣлью этихъ школъ было приготовленіе священнослужителей, и ученіе ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и изученіемъ богослужебныхъ книгъ. Свѣтскихъ же училищъ, которыя развивали бы интеллектуальныя способности, разумъ, мышленіе, въ древней Руси вовсе не было<sup>4)</sup>. Такимъ образомъ вся умственная дѣятельность замкнулась въ тѣсный кругъ только церковно-религіозныхъ интересовъ и не могла оказать плодотворнаго вліянія на свѣтское образованіе, не могла пробудить той пытливости, которая есть начало всякой науки. Церкви на Руси пришлось съ самаго начала вступить въ долгую и упорную борьбу съ языческими вѣрованіями и обычаями, которыми насквозь была проникнута народная жизнь: «мірская жизнь» въ глазахъ духовныхъ лицъ того времени значила то же, что «языческая грѣховная жизнь». Борьба повела къ слишкомъ строгому отношенію къ явленіямъ мірской жизни; не могло духовенство, считавшее преимущественно себя хранителемъ истин-

1) См. статью Забѣлина, От. Зап. 1854 г. № 12, стр. 8.

2) Полн. Собр. Рус. Лѣтопис., т. I, стр. 65.

3) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I, стр. 283, т. III, стр. 88.

4) См. Шапова «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа», стр. 25.

наго знанія, относиться доброжелательно къ мірскому знанію; если бы оно и явилось. Съ другой стороны сама богословская наука не получила на Руси такого развитія, какое было въ Византіи и на Западѣ. Послѣ татарскаго погрома слабѣетъ связь русской церкви съ византійской. Монастыри размножаются, богатѣютъ, дѣлаются убѣжищами не всегда истинно-религіозныхъ людей, а лицъ, ищущихъ прайдной, спокойной отъ мірскихъ тревогъ, жизни. Эти два обстоятельства все болѣе и болѣе клоняты монастырскую жизнь къ упадку. Невѣжество усиливается, является «скудность умственная» въ средѣ духовныхъ лицъ, такъ что многія изъ нихъ не могутъ не только бороться съ суевѣріемъ народа, но и сами за внѣшней оболочкой, за обрядомъ не могутъ усматривать сущности дѣла. Обрядъ, церковный обычай смѣшивается съ догматомъ. Истинная христіанская нравственность вырождается болѣею частью во внѣшнее благочестіе. Рѣже становятся тѣ увлеченія духомъ христіанства, которыя характеризуютъ лучшихъ людей русскихъ вскорѣ послѣ водворенія христіанства на Руси, подвиги истиннаго благочестія и милосердія. Въмѣсто этого водворяется жестокость, чуждая христіанскому духу, безнравственность, которая уживалась съ внѣшнимъ благочестіемъ. Иностранцевъ, посѣщавшихъ Русь въ XVI и XVII вѣкахъ, поражали крайне суровые нравы нашихъ предковъ: грубость, нечестность, лукавство были распространены не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ сословіяхъ. Это все было слѣдствіемъ крайне скуднаго умственнаго развитія и служило яснымъ доказательствомъ, что высоко-нравственные истины христіанства не могутъ сохраняться въ чистотѣ невѣжественнымъ умомъ.

Западъ относительно умственнаго развитія находился въ лучшихъ условіяхъ. Кромѣ церковно-религіозной образованности, тамъ на умственную дѣятельность оказываютъ сильное вліяніе римская юриспруденція и арабская образованность съ ея реальнымъ характеромъ. Послѣдняя особенно содѣйствуетъ развитію медицины и математики. Возникаютъ университеты, имѣющіе, кромѣ теологическихъ, медицинскіе и юридическіе факультеты. Цѣлыя тысячи людей сходятся въ нихъ и отсюда разносятъ во все концы Европы свои знанія. Наконецъ настаетъ возрожденіе

классицизма, который не внѣшней своей формою, но богатымъ по тому времени содержаніемъ оживляетъ такъ называемыя *гуманныя* науки, отрезвляетъ умъ, указываетъ ему болѣе жизненные задачи, чѣмъ схоластика. Разумъ и нравственное чувство ищутъ себѣ свободы отъ схоластическихъ оковъ. Съ XV вѣка начинается борьба этого новаго начала со старымъ. Несмотря на инквизицію съ ея пытками и кострами, несмотря на много благородныхъ жертвъ, новому началу удалось отстоять свое существованіе въ нѣкоторыхъ странахъ. Науки въ этихъ странахъ быстро развиваются, и устанавливаются лучшія сравнительно общественныя отношенія.

На Руси въ XVII в. идетъ тоже ожесточенная борьба, производятся пытки и казни. Реформаторами являются высшее духовенство и правительство, нашедшія нужнымъ исправить дурно напечатанныя богослужебныя книги, искоренить нѣкоторыя неурядицы и злоупотребленія въ церковной службѣ. Идеаломъ является «старина», когда этихъ неурядицъ не было. Протестующими являются главнымъ образомъ часть низшаго духовенства и народа; они также за «святую старину», въ сущности мало извѣстную имъ. Спорять ожесточенно, между прочимъ, о двухперстномъ или трехперстномъ сложеніи, о написаніи Иисусъ или Ісусъ, о двоеніи или троеніи «аллилуйи» и т. п. Являются и у насъ мученики за «старую вѣру», не менѣе другихъ энергичные, не менѣе возбуждающіе удивленія своей твердостью. Но и ихъ можно назвать только мучениками невѣжества. Все скудное религіозное достояніе ихъ было въ буквѣ, въ обрядѣ, и на это-то нищенское духовное имущество посягаютъ,—отсюда ожесточеніе и энергія. «Намъ всѣмъ, православнымъ христіанамъ, говорить одинъ изъ поборниковъ «старой вѣры»,—подобаетъ умирати за единъ *азъ*, его же окаянный врагъ выбросилъ изъ символа тамъ, идѣ же глаголется о Сынѣ Божіи, Ісусѣ Христѣ—рожденна, а не сотворенна; велика сила въ семь *азъ* сокровенна»<sup>1)</sup>. Расколомъ расплатилась Русь за свое вѣковое невѣжество. Уже современники происхожденія раскола указываютъ, что главными причинами его были «скудость ума», «некнижность». Эти причины

<sup>1)</sup> Соловьевъ, т. II, стр. 279.

были такъ очевидны, что сразу могли броситься въ глаза каждому мыслящему человѣку. Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, бывшій въ Москвѣ въ 1660 году, указываетъ вѣрно на причины раскола: «Искалъ я», говоритъ онъ, «корня сего духовнаго недуга, поразившаго нынѣ христоименитое царство Русское, и старался открыть, откуда бы могло произойти такое наводненіе ересей на общую нашу пагубу,—и наконецъ придумалъ и нашелъ, что все зло произошло отъ двухъ причинъ: оттого, что нѣтъ народныхъ училищъ и библіотекъ. Если бы меня спросили: какіе столпы церкви и государства? Я бы отвѣчалъ: во-первыхъ, училища, во-вторыхъ, училища и, въ третьихъ, училища» <sup>1)</sup>. Не только не было народныхъ (свѣтскихъ) училищъ, но и образованіе духовенства находилось въ жалкомъ положеніи. Даже грамотность, бывшая неизбѣжной повинностью духовенства, пришла въ упадокъ. Уже съ XV в. начинаются жалобы на недостатокъ грамотныхъ людей для поставленія въ священническій санъ. Геннадій, архіепископъ новгородскій, обратился съ просьбой къ тогдашнему митрополиту Симону, чтобы онъ походатайствовалъ передъ Іоанномъ III о заведеніи по крайней мѣрѣ самыхъ первоначальныхъ школъ грамотности для образованія духовенства. Далѣе Геннадій въ своемъ посланіи совѣтуетъ въ этихъ училищахъ учить азбукѣ, подтительнымъ словамъ и псалтири. Затѣмъ онъ жалуется, что учителя (мастера), обучающіе желающихъ получить священническій санъ, такъ плохо учатъ, что учившійся, вышедши изъ рукъ ихъ, «ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредетъ» <sup>2)</sup>. Въ половинѣ XVI столѣтія Стоглавъ рисуетъ мрачную картину образованія русскаго духовенства. Небрежное ученіе грамотѣ, отсутствіе училищъ, грубые пороки и суевѣрія въ народѣ обращаютъ на себя серьезное вниманіе правительства. Въ 25-ой главѣ Стоглава говорится: «Ставленники, хотящіе въ дьяконы и попы ставиться, грамотѣ мало умѣютъ; поставить ихъ святителямъ—противно священнымъ правиламъ, а не поставить—святія церкви будутъ безъ пѣнія; православные христіане начнутъ умирать безъ покаянія. Когда святители ихъ спрашиваютъ, почему они

<sup>1)</sup> Смирновъ. Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 6.

<sup>2)</sup> Порфирьевъ, «Исторія рус. словесности», стр. 365. Соловьевъ, т. V, стр. 270.

мало умѣють грамотѣ, они отвѣчаютъ: мы-де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учиться негдѣ: сколько отцы наши и мастера умѣють, столько и насъ учать. А отцы ихъ и мастера и сами умѣють мало и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учиться имъ негдѣ». Соборъ постановилъ (глава 26), «чтобы во всѣхъ городахъ выбрать добрыхъ священниковъ и дьяконовъ и въ ихъ домахъ учинить училища для обученія пѣнію, чтенію и канонарханію<sup>1)</sup>. Такимъ образомъ видимъ, что обученіе грамотѣ въ до-петровской Руси было таково, что не могло вовсе удовлетворить церкви, предъявлявшей очень скромныя требованія. Указы Петра, направленные противъ безграмотности духовенства, доказываютъ ясно, что этотъ недостатокъ не былъ устраненъ до него. Въ свѣтскомъ быту, даже въ высшихъ слояхъ общества, грамотность не процвѣтала, а просвѣщеніе и даже простая начитанность составляли рѣдкость. Цари не отличались образованіемъ: за немногими исключеніями можно сказать, что они были только грамотны. Вотъ что говоритъ Котошихинъ относительно образованія царевичей: «Какъ приспѣетъ время учить царевича грамотѣ, и въ учителя выбираютъ учительныхъ людей тихихъ и небражниковъ, а писать учить выбираютъ изъ посольскихъ и подъячихъ; а инымъ языкамъ, латинскому, греческому, нѣмецкому и нѣкоторыхъ, кромѣ русскаго наученія, въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ»<sup>2)</sup>. Не забудемъ того, что и самъ Петръ, движимый свойственной ему любознательностью, нашелъ себѣ учителя математики, нѣмца Тиммермана, который съ грѣхомъ пополамъ объяснилъ ему, уже 16-лѣтнему юношѣ, первое арифметическое дѣйствіе, сложеніе (адіція), и Петръ въ этомъ возрастѣ пишетъ еще нетвердой рукой и безъ всякаго признака какой-либо орфографіи<sup>3)</sup>. Царицы бывали и вовсе безграмотны. Котошихинъ, объясняя недопущеніе пословъ Яна Казимира къ царицѣ боязнью, чтобы она своею простотою не ввела царя въ стыдъ, говоритъ: «Московского государства женской полъ грамотѣ неученыя, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на от-

<sup>1)</sup> Порфирьевъ, 416—417.

<sup>2)</sup> Котошихинъ. Глава I, статья 28.

<sup>3)</sup> Устряловъ. Исторія царствованія Петра В., т. II, стр. 19.

говоры (отвѣты) несмыслены и стыдливы» <sup>1)</sup>. Между боярами, даже членами царской думы, случались неграмотные. Иногда, говорить Котошихинъ, на вопросы царя «иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму, а по великой породѣ; и многіе изъ нихъ грамотѣ неученые и нестудерованные» <sup>2)</sup>. Дьяки и подьячіе отличались сравнительно большей грамотностью. Такимъ образомъ, мы видимъ, что даже самая грамотность была въ упадкѣ; нечего тутъ и говорить объ образованности, объ умственныхъ интересахъ. Духовенство, которое прежде, дѣйствительно, вносило въ общество умственную дѣятельность, хотя только въ религіозной сферѣ, теперь, при крайнемъ невѣжествѣ, не всегда понимая внутренній смыслъ христіанства, проявляло нетерпимость къ умственному движенію, ко всякой новизнѣ; оно противодѣйствуетъ сближенію съ иностранцами. Патріархъ Іоакимъ молитъ благочестивыхъ царей, «да возбранятъ проклятымъ еретикамъ иновѣрцамъ начальствовать въ ихъ государственныхъ полкахъ надъ своими людьми. Какая же можетъ быть помощь отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ, православному воинству? Токмо гнѣвъ Божій наводить» <sup>3)</sup>. Изъ религіозной ревности противились путешествіямъ русскихъ за границу, опасаясь, чтобы «узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи и вольность благую», не начали бы измѣнять своимъ и приставать къ иноземнымъ обычаямъ и вѣрѣ <sup>4)</sup>. До какой степени слѣпо держались мельчайшихъ обычаевъ старины и вооружались противъ всякой новизны, это доказывается гнѣвомъ патріарха Адріана на брадобрійцы: патріархъ пишетъ между прочимъ: «Надъ брадобрійцами не подобаетъ быти христіанскому погребенію, ни въ церковныхъ молитвахъ поминовенію» <sup>5)</sup>. Ложное пониманіе христіанскаго смиренія ведетъ къ противодѣйствію умственной пытливости. Вооружаясь противъ «высокопаривой» мысли, духовныя лица высказываютъ, между прочимъ, такіе совѣты: «Высочайши себе не нищ, а глубочайши тебе

<sup>1)</sup> Котошихинъ, IV, 32.

<sup>2)</sup> Ibid., II, 5.

<sup>3)</sup> Устряловъ. Т. II, стр. 115.

<sup>4)</sup> Котош., IV, 24.

<sup>5)</sup> Устрял. III, 194.

не испытай, но, елико ти предано отъ Бога, си содержи» <sup>1)</sup>). Особо характерно то смиренное презрѣніе къ наукѣ, какое слышится въ одной рукописи 1643 г. «Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ (sic) астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ, учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ» <sup>2)</sup>). Такимъ образомъ, видимъ, что были лица, сильныя по своему положенію и вліянію на народъ, которыя неблагопріятно относились къ свѣтскому просвѣщенію и чуть ли не всякое знаніе, выходящее изъ круга церковно-религіозныхъ интересовъ въ самомъ тѣсномъ ихъ смыслѣ считали ересью.

Къ концу XVII вѣка весь государственный и общественный строй представлялъ безотрадную картину. Являлись признаки обветшалости и разложенія. Большая часть жила только воспоминаніями прошлаго; не было уже силъ пролагать новые пути къ жизни. Если говорилось о комъ-либо, что онъ живетъ «по старинѣ», то это считалось уже величайшею похвалою. Тамъ, въ этой старинѣ, только и находили настоящую хорошую жизнь, которая, по понятіямъ большинства, становилась чѣмъ далѣе, тѣмъ грѣховнѣе, хуже: она была постепенной порчей только старой, лучшей жизни. Московское государство, выполнивъ свою историческую задачу, связавъ въ одно цѣлое раздробленную прежде Русь, очутилось въ затруднительномъ положеніи. Расширеніе территоріи и московская централизація до такой степени осложнили и затруднили управленіе, что справиться съ нимъ при недостаткѣ интеллектуальныхъ силъ и просвѣщенія стало не подъ силу московскимъ государственнымъ людямъ. Что мы видимъ въ послѣднее время въ до-петровской Руси? Въ церкви—расколъ; въ государствѣ—неустройство, неопредѣленность отношеній различныхъ властей и государственныхъ институтовъ; финансы, экономическая часть въ плачевномъ состояніи; въ народѣ опасныя волненія; безпорядки въ войскѣ; болѣе опасномъ для своихъ, чѣмъ для враговъ. Такимъ образомъ Московское

<sup>1)</sup> Шаповъ, 9.

<sup>2)</sup> Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел., т. I, стр.

государство, не имѣя жизненныхъ силъ для самостоятельнаго обновленія, при своихъ традиціяхъ и принципахъ, враждебныхъ этому обновленію, кончало свое существованіе. Невѣжество было главной причиной всего этого. Кончали свое историческое бытіе только извѣстная политическая система, государственные принципы и форма, но не народность. Народность, при всей своей грубости, была сильна и крѣпка; это было поле, которое не отъ безсилія, не отъ истощенія почвы не могло производить хорошихъ плодовъ, но потому, что не было хорошаго посѣва.

Но были нѣкоторыя условія, благоприятныя для обновленія общественной и государственной жизни. Юго-западная Русь представляла относительно образованія болѣе отрадное зрѣлище, чѣмъ Московское государство: въ ней не чуждались науки, не считали ея несовмѣстной съ христіанскимъ смиреніемъ, не боялись ея, какъ родоначальницы ересей. Напротивъ, тамъ въ XVI столѣтіи пришли уже къ заключенію, что нужно заводить школы, чтобы отстоять русскую національность и православіе отъ вліянія Польши и католичества. При болѣе развитомъ городскомъ устройствѣ, общинахъ (братствахъ) удастся взять инициативу устройства школъ въ свои руки; являются школы въ различныхъ городахъ (Кіевѣ, Вильнѣ, Луцкѣ и др.). Правда, и здѣсь образованіе носитъ чисто церковно-религіозный характеръ, что соотвѣтствовало главной цѣли учрежденія ихъ приготовить борцовъ за православіе; но вспомнимъ, что на сѣверо-востокѣ не только не было и такихъ школъ, но и самая грамотность была въ упадкѣ. Для исторіи русскаго просвѣщенія особенно важна школа, основанная въ Кіевѣ Богоявленскимъ братствомъ, которая въ 1631 году была преобразована Петромъ Могилою въ сравнительно высшее учебное заведеніе и стала называться Кіево-Могилянскою коллегіей. Отсюда вышло много способныхъ борцовъ за православіе и національность. Отсюда мало-по-малу стало заходить просвѣщеніе и на сѣверо-востокъ. Въ 1633 году патріархъ Филаретъ устроилъ первое училище при Чудовомъ монастырѣ, извѣстное подъ названіемъ Патріаршей школы, единственной тогда во всемъ Московскомъ государствѣ.

Затѣмъ благочестивый бояринъ Ртищевъ, устроивъ близъ Москвы Спасо-Преображенскую пустынь для кіевскихъ мона-

ховъ, вздумалъ завести при ней ученое братство для перевода книгъ, полезныхъ церкви. Въ это время были вызваны изъ Кіева Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій. Первый былъ нѣсколько лѣтъ учителемъ Патріаршей школы, главнымъ справщикомъ въ московской типографіи и единственнымъ проповѣдникомъ въ Москвѣ (другимъ священникамъ позволялось только читать переводныя слова святыхъ отцовъ, а говорить собственные проповѣди строго воспрещалось) <sup>1)</sup>. Наконецъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ задумалъ основать эллино-греческое училище. Оно было устроено первоначально для поддержанія греческаго образованія, пришедшаго въ совершенный упадокъ на востокъ; но черезъ нѣсколько времени оно подъ именемъ славяно-греко-латинской академіи дѣлается разсадникомъ просвѣщенія въ Россіи. Начало дѣятельности этой академіи относится уже ко времени Петра. И въ свѣтскомъ быту является новая струя. Лучшіе московскіе люди начинаютъ сознавать необходимость реформъ. Уже съ Іоанна III въ значительномъ числѣ призываются иностранцы. Главною причиною призыва ихъ было все болѣе и болѣе проясняющееся сознаніе своей несостоятельности въ удовлетвореніи матеріальнымъ потребностямъ жизни: русскіе не умѣли строить каменныхъ зданій, добывать руду, лить пушекъ, чеканить монету и т. п. Отсутствіе всякихъ техническихъ знаній являлось всею сказывалось въ частыхъ войнахъ съ болѣе образованными сосѣдями. При Борисѣ Годуновѣ являются уже цѣлые отряды иностранцевъ въ русской службѣ. Борисъ затѣваетъ завести училища и обучать въ нихъ иностраннымъ языкамъ, но встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе со стороны духовенства. При царѣ Алексѣѣ уже цѣлая слобода въ Москвѣ заселена иностранцами (нѣмцами). Большая часть русскихъ, пользуясь услугами иноземцевъ, все-таки смотрѣла на нихъ свысока, какъ на своихъ наемниковъ и притомъ еретиковъ, не имѣвшихъ того знанія, которое вело къ спасенію души: учиться у такихъ людей, по понятіямъ большинства, православнымъ не пристало. Но были и такіе, которые увлекались иноземнымъ, которыхъ уже не могла удовлетворять окружающая ихъ жизнь. Типъ русскаго боярина съ его дородствомъ

---

<sup>1)</sup> Макарій Булгаковъ. Исторія Кіевской Академіи. Стр. 32-34.

отъ сытныхъ обѣдовъ и сонливой, бездѣятельной жизни, съ его величавой фигурой въ азіатской одеждѣ, съ важной, медленной походкой, съ его умѣньемъ важно молчать въ царской думѣ и неумѣньемъ подписать свое имя—уже не могъ нравиться всѣмъ. Не могла уже нравиться всѣмъ и русская красавица, полная, бѣлая, румяная, выросшая взаперти, въ терему, воспитанная среди сказочницъ, дурь и шутихъ и потому крайне застѣнчивая, разумомъ простоватая и на отвѣты несмышленная. Не могъ уже удовлетворить всѣхъ въ средѣ духовенства некнижный простецъ, который едва брелъ по книгѣ и могъ научить только, какъ креститься, какъ прикладываться къ образамъ, какъ ѣсть просфору. Не могъ уже онъ увлекать всѣхъ даже при его героизмѣ, готовности пострадать изъ-за буквы.

Людей, которые, подобно Котошихину, видѣли или, лучше сказать, чувствовали несостоятельность московской жизни, было не мало. Даже были уже случаи крайняго увлеченія иноземнымъ: встрѣчались русскіе люди, которые начинали тяготиться своимъ пребываніемъ въ Россіи. Князь Ив. Голицынъ высказываетъ такое опасеніе: «Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя ради ихъ прелести: одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины лучшихъ людей <sup>1)</sup>».

Политическая задача этихъ лучшихъ людей Московскаго царства — сближеніе съ образованной Европой вполне опредѣлилось; даже и путь къ выполненію ея былъ намѣченъ Іоанномъ IV, стремившимся къ балтійскимъ берегамъ. Для того, чтобы понять, что при московскомъ государственномъ и общественномъ строѣ эту задачу очень трудно выполнить, не требовалось глубокаго политическаго соображенія; но, чтобы приняться за нее, нуженъ былъ практическій умъ и могучій, рѣшительный характеръ. Выполнить эту задачу пришлось Петру Великому.

Отъ природы живой, впечатлительный, дѣятельный, Петръ не испыталъ на себѣ, къ счастью, того односторонняго воспитанія, какое обыкновенно получали царевичи. Пользуясь большею свободой, онъ въ ранней юности имѣлъ возможность чаще

<sup>1)</sup> Соловьевъ. т. IX, стр. 470.

встрѣчаться съ людьми новаго направленія. Нѣмецкая слобода была ему хорошо знакома: здѣсь онъ находитъ больше пищи для своей любознательности, чѣмъ въ средѣ придворныхъ бояръ. Наконецъ его дѣтскія впечатлѣнія, которыя обыкновенно бывають сильны и очень живучи, заставляли его питать личное нерасположеніе къ старому строю жизни.

Петръ довольно рано замѣтилъ то жалкое положеніе, въ которомъ находилось образованіе въ Россіи. Въ 1698 (1699) 4 октября Петръ, посѣтивъ патріарха Адріана и въ бесѣдѣ съ нимъ высказавъ свое недовольство на то, что въ священники ставятся малограмотные, выразилъ желаніе, чтобы священники были доводимы до такого знанія, чтобы могли вразумлять «къ любви Божіей» православныхъ и просвѣщать иновѣрцевъ, которые не знаютъ Творца Господа (татаръ, Мордву, Черемису). Затѣмъ Петръ совѣтуетъ посылать для обученія въ кіевскія школы, наконецъ, улучшить училище въ Москвѣ. Въ сущности оказывается, что дѣло идетъ не объ улучшеніи только, но о преобразованіи, потому что Петръ высказываетъ такое желаніе: «изъ школы бы во всякія potreбы люди, благоразумно учася, происходили, въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовать, знати строеніе и докторское (врачевское) искусство» <sup>1)</sup>.

Въ этихъ словахъ Петръ ясно высказываетъ мысль, что государство не можетъ уже удовлетворяться исключительно церковно-религіознымъ образованіемъ, важность котораго Петръ вполне признавалъ. Для государства нужны были не только хорошіе священники, но и свѣдущіе чиновники, офицеры, архитекторы, медики и проч. И вотъ Петръ думаетъ вмѣсто существующаго въ Москвѣ училища (эллино-греческаго), устроить учебное заведеніе, которое совмѣщало бы въ себѣ нѣсколько специальныхъ училищъ. Извѣщеніе Адріана, въ которомъ передается эта бесѣда, оканчивается словами, знаменующими уже новое время, новый взглядъ на науку: «велія злоба отъ дьявола и козни его на люди, еже бы наука благоразумная гдѣ-либо не возымѣла мѣста».

Желаніе Петра не только не было приведено въ исполненіе

---

<sup>1)</sup> Устряловъ, т. III, 511-512.

при жизни Адриана, но и существовавшая школа его болѣе и болѣе приходила въ упадокъ <sup>1)</sup>.

Для вѣрной оцѣнки распоряженій Петра относительно школъ надо указать на тѣ обстоятельства, которыя могли оказать влияние на него въ этомъ отношеніи, которыя или могли наводить его на мысль объ училищахъ, или уясняли ему значеніе воспитательно-учебнаго дѣла и, такимъ образомъ, прямо или косвенно, содѣйствовали учрежденію или устройству школъ. Самъ Петръ не получилъ правильнаго воспитанія и образованія. Почти все, что онъ зналъ, было приобрѣтено имъ самимъ и уже въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ располагаетъ самъ собою.

Война со Швеціей и политика не позволяли ему долгое время сосредоточить много вниманія на школѣ. Во время путешествій за границу не видно, чтобы онъ интересовался собственно учебно-воспитательными заведеніями; при посылкахъ молодыхъ людей за границу педагогическихъ цѣлей въ виду вовсе не было. Но при всемъ этомъ нѣкоторыя обстоятельства должны были болѣе или менѣе наталкивать вниманіе Петра на обученіе и воспитаніе. Петру рано пришлось уже озаботиться воспитаніемъ своего сына, царевича Алексѣя. Царь не могъ найти на Руси людей, годныхъ къ выполненію этого дѣла. Это обстоятельство навело его на мысль отправить сына за границу для воспитанія; но потомъ онъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Сначала воспитаніе царевича было поручено Нейгебауеру, а потомъ съ 1703 г. барону Гюйсену, человѣку, получившему высшее университетское образованіе. Гюйссенъ написалъ инструкцію (наказъ) для воспитанія и обученія царевича, которому было въ это время уже тринадцать лѣтъ. Этотъ наказъ былъ прочтенъ и одобренъ самимъ Петромъ.

Инструкція Гюйсена трактуетъ о воспитаніи и обученіи царевича. Въ основу воспитанія положено развитіе религіознаго чувства, страха Божія. Это поручается иновѣрному наставнику. Развитіе хорошихъ нравственныхъ качествъ наказъ совѣтуетъ производить положительнымъ путемъ, направляя вниманіе питомца на нихъ, и отрицательнымъ, указывая гибельныя послѣдствія отклоненія отъ нихъ. Далѣе наказъ требуетъ, чтобы всѣ

<sup>1)</sup> Соловьевъ, XV, 117.

люди, окружающіе царевича, старались своимъ личнымъ примѣромъ направить его ко всему хорошему; совѣтуетъ воспитателю дѣйствовать болѣе убѣжденіемъ и разсужденіемъ, чѣмъ укорами и жестокостію. До начала и по окончаніи ученія царевичъ долженъ былъ читать Библію такъ, чтобы Ветхій Заветъ былъ пройденъ однажды, а Новый два раза. Въ теченіе шести мѣсяцевъ долженъ былъ изучаться французскій языкъ, какъ легчайшій и болѣе употребительный. При этомъ имѣлось въ виду собственно практическое изученіе языка: ближайшіе къ царевичу люди должны были говорить съ нимъ по-французски. Затѣмъ должно было царевича пріохочивать постепенно въ свободное время къ географіи, показывая и объясняя ему иллюминированныя карты Янниотова атласа,—также пріучать понемногу къ употребленію циркуля и изученію ариметики и геометріи. Чтобы развить воспитанника физически, предполагалось упражнять его въ штурмованіи (?), танцованіи и конской ѣздѣ, а для забавы занимать гимнастическими играми. Черезъ 6 мѣсяцевъ, когда царевичъ будетъ въ состояніи понимать французскихъ авторовъ, начать изученіе исторіи и географіи, какъ истинныхъ основаній политики. Начать исторію слѣдовало съ изученія Буоновой идеи исторіи общей, затѣмъ изучать Пуффендорфово введеніе въ исторію главнѣйшихъ государствъ; при этомъ читать съ царевичемъ французскіе куранты и во время чтенія дѣлать въ разговорахъ замѣчанія политическія, географическія и нравоучительныя. На ряду съ этимъ полагалось преподавать ариметику и геометрію, учить слогу и чистописанію, читать сочиненіе Пуффендорфа о должности человѣка и гражданина («Le droit civil dans l'ordre naturel»), Фенелонова «Телемака» и обучать военнымъ экзерциціямъ (ружейнымъ приѣмамъ и строевымъ эволюціямъ). Все это общее образованіе, по мнѣнію Гюйсена, могло быть окончено въ два года. Послѣ этого слѣдовало изложить царевичу о всѣхъ политическихъ дѣлахъ въ свѣтѣ, объ истинной пользѣ государствъ, объ интересахъ всѣхъ государей въ Европѣ, особенно же пограничныхъ съ Россіей, о всѣхъ хорошихъ государственныхъ правилахъ, о всѣхъ военныхъ искусствахъ, фортификаціи, артиллеріи, объ атакахъ и оборонахъ крѣпостей, о бояхъ, воинскихъ правилахъ, также объ архитектурѣ граждан-

ской, навигаціи. Наконецъ Гюйссенъ совѣтуетъ заблаговременно составить для царевича хорошую библіотеку изъ французскихъ книгъ <sup>1)</sup>).

Этотъ наказъ, прочтенный и одобренный Петромъ, могъ пробудить въ немъ сознаніе, если его не было, о важности не только обученія извѣстнымъ знаніямъ, но и самаго воспитательно-учебнаго дѣла; хотя съ другой стороны мысль Гюйссена окончить общее образованіе въ два года и сообщить въ это время такую массу знаній показываетъ, что онъ былъ довольно плохой педагогъ.

Государственныя дѣла первой важности отвлекли Петра отъ надзора за воспитаніемъ сына; былъ отвлеченъ и Гюйссенъ, которому въ началѣ 1705 года дано было другое назначеніе, и онъ долженъ былъ отправиться въ Германію. Занятый борьбой съ Карломъ XII, Петръ если и пріѣзжалъ въ Москву, то на самое короткое время. Воспитаніе царевича осталось въ небреженіи. Какъ исполнялся на дѣлѣ планъ Гюйссена, видно изъ слѣдующихъ донесеній Вяземскаго государю: въ началѣ 1708 года Н. Вяземскій писалъ, что царевичъ изучаетъ нѣмецкій языкъ и больше всего твердить склоненія, и что учитель говорить: «Недѣли двѣ будемъ твердить одного нѣмецкаго языка, чтобы изучить склоненія, а затѣмъ будемъ учить французскаго языка и ариѳметики». Донесеніемъ отъ 17 марта 1708 г. Вяземскій извѣщаетъ Петра, что сынъ его (уже 17 лѣтъ) твердо знаетъ четыре ариѳметическія дѣйствія («цифири четыре части имѣетъ въ твердости») <sup>2)</sup>. Говоря о тѣхъ обстоятельствахъ, которые могли прямо или косвенно содѣйствовать возникновенію школъ и распространенію знаній въ Россіи, конечно, нельзя умолчать объ отношеніяхъ Лейбница къ Петру.

Знаменитый философъ и многосторонній ученый интересовался Россіей и собиралъ о ней свѣдѣнія еще тогда, когда въ Европѣ были неизвѣстны образовательныя стремленія Петра. Лейбницъ интересовался получить изъ Россіи какъ можно больше матеріаловъ для своихъ филологическихъ и этнографи-

<sup>1)</sup> Устряловъ, VI, 298-304.

<sup>2)</sup> Ibid., стр. 307.

ческих соображений<sup>1)</sup>. Но когда въ Европѣ стали извѣстны личность Петра и его желаніе ввести Россію въ семью европейскихъ государствъ, Лейбницъ принялъ близко къ сердцу дѣло просвѣщенія Россіи. Онъ былъ убѣжденъ съ одной стороны, что прогрессъ въ обществахъ человѣческихъ всего болѣе зависѣлъ отъ личной инициативы государей, а съ другой стороны, что Россія представляла относительно просвѣщенія непочатое поле (*tabula rasa*), такъ что на ней можно осуществить лучшія теоріи, избѣгнуть тѣхъ недостатковъ, которые обнаружилились въ учебныхъ заведеніяхъ низшихъ и высшихъ въ Германіи. Мысль содѣйствовать Россіи такъ полюбилась ему, что одно время онъ самъ хотѣлъ явиться въ Россію миссіонеромъ просвѣщенія<sup>2)</sup>. Послѣ долгихъ напрасныхъ попытокъ Лейбницу наконецъ удалось свидѣться въ 1711 г. съ Петромъ въ Торгау. Слѣдствіемъ этого свиданія была грамота Петра 1712 г., данная Лейбницу. Лейбницъ принимался въ русскую службу въ чинѣ тайнаго совѣтника съ назначеніемъ жалованья по тысячѣ ефимковъ въ годъ,—въ надеждѣ что онъ будетъ содѣйствовать русскому правительству «ко умноженію математическихъ и иныхъ искусствъ и произыскиванію исторіи и къ приращенію наукъ».

Въ это время Лейбницъ въ письмахъ и проектахъ, адресованныхъ къ самому царю или къ близкимъ ему лицамъ, высказываетъ и взгляды на государственное устройство и на средства распространить образованіе въ Россіи. Извѣстно, что нѣкоторые его проекты, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями, были приняты (напр., коллегіальное устройство администраціи, академія наукъ). Это обстоятельство, какъ и грамота, данная ему, убѣждаютъ въ томъ, что его проекты обращали на себя большое вниманіе самого Петра и его сотрудниковъ. Остановимся на тѣхъ мѣстахъ его писемъ и проектовъ, въ которыхъ съ большей полнотой высказываются его взгляды на воспитаніе и обученіе. Вотъ начало записки, поданной Лейбницемъ Урбиху, русскому резиденту въ Вѣнѣ, для передачи ея Петру. Записка эта писана еще въ 1708 г., слѣдовательно, еще до принятія Лейб-

<sup>1)</sup> Герье. Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру, стр. 2.

<sup>2)</sup> Герье, стр. 25, 65, 74, 89 и 123.

ница въ русскую службу. Она замѣчательна тѣмъ, что Лейбницъ высказываетъ свой философскій взглядъ на значеніе науки и образованности: «Истинную цѣль науки составляетъ блаженство людей, т. е. состояніе постоянного удовлетворенія, насколько это возможно для человѣка, причемъ они не должны жить въ праздности и роскоши, но содѣйствовать, всякій по своимъ силамъ, прославленію Господа и общественному благу нелицемѣрною добродѣтелью и познаніемъ истины. Средство, съ помощью котораго можно повести людей на этотъ путь добродѣтели и счастія, заключается въ хорошемъ воспитаніи юношества. Посредствомъ воспитанія можно даже у животныхъ дѣлать чудеса, тѣмъ болѣе у людей, которые отъ Господа получили безсмертную душу и созданы по Его образу и подобію. Юношество можно такъ вести, чтобы вселить въ него любовь къ добродѣтели и наукѣ; взрослыхъ же, которые не получили такого воспитанія, нужно сдерживать страхомъ наказанія; съ ними приходится имѣть много терпѣнія, и имъ слѣдуетъ многое прощать». Далѣе говорится о способахъ вводить и распространять научное знаніе въ Россіи, указывается на необходимость библіотекъ, музеевъ, кунсткамеръ, различныхъ коллекцій и проч. Въ концѣ записки говорится: «Необходимо учрежденіе особенной вліятельной коллегіи съ обширнымъ кругомъ власти, отъ которой бы зависѣли до извѣстной степени высшія и низшія учебныя заведенія, назначеніе ученыхъ, книжное дѣло, типографіи, переводы, цензура книгъ, а также художники и ремесленники съ ихъ произведеніями». Въ этихъ словахъ Лейбницъ указываетъ на важное значеніе представителей наукъ (академіи наукъ) для общественной жизни. Эта мысль Лейбница не осуществилась на дѣлѣ.

Затѣмъ въ другой пространной запискѣ, уже 1716 года, составленной для исполненія обѣщанія, даннаго Шафирову, опять говорится о библіотекѣ, ботаническихъ и зоологическихъ садахъ, акваріи, анатомическомъ театрѣ, какъ о необходимыхъ средствахъ для распространенія наукъ, и затѣмъ авторъ говоритъ объ устройствѣ школьной части и при этомъ высказываетъ довольно опредѣленно свои педагогическіе взгляды<sup>1)</sup>. Лейб-

<sup>1)</sup> Герье, 190-192.

ницъ не сочувствовалъ современной ему педагогикѣ, которая обращала главное вниманіе на формальное развитіе и возводила латинскій языкъ на степень живого языка. Лейбницъ въ дѣлѣ воспитанія былъ реалистомъ, постоянно настаивалъ на сближеніи науки съ жизнью. Онъ считалъ нужнымъ дать въ школѣ болѣе мѣста практическому элементу и обратить больше вниманія на физическое воспитаніе. Лейбницъ считалъ необходимыми заведенія трехъ родовъ, смотря по возрасту тѣхъ, для кого они предназначались: школы для дѣтей, университеты для юношества, и академіи для взрослыхъ людей, самостоятельно разрабатывающихъ науку. Школа, по его мнѣнію, должна имѣть три цѣли: нравственное воспитаніе, обученіе языкамъ и обученіе художествамъ (Kunst). Подъ послѣдними разумѣются науки въ противоположность языкамъ и физическое воспитаніе. Относительно перваго, школа должна развивать въ дѣтяхъ религіозность, доброту, послушаніе, честность и т. д. Относительно обученія языкамъ Лейбницъ совѣтуетъ дѣтей, предназначенныхъ для какого-нибудь ремесла, обучать только русскому языку, тѣхъ же, которые готовятся къ торговлѣ,—кромѣ русскаго,—латинскому и нѣмецкому; желающимъ получить высшее образованіе, кромѣ того, слѣдуетъ заниматься греческимъ, а также французскимъ и итальянскимъ языками. Мальчики, предназначенные для духовнаго званія, по мнѣнію Лейбница, должны были учиться еврейскому языку. Лейбницъ полагалъ также, что тѣ, которые готовились къ ученому званію и къ занятію высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ должностей, должны были имѣть свѣдѣнія и въ арабскомъ языкѣ. Близость востока и сношенія съ нимъ русскихъ, по мнѣнію Лейбница, дѣлали изученіе арабскаго языка весьма важнымъ для русскихъ. Къ предметамъ, служащимъ для третьей цѣли (обученія художествамъ), Лейбницъ относитъ катихизисъ, основанія логики, музыки, ариеметику, рисованіе, ручныя работы, напимѣръ, токарное искусство и рѣзбу, геометрію, главныя основанія хозяйства, фехтованіе и верховую ѣзду, смотря по свойствамъ и наклонностямъ cadaго. Дѣти, готовящіяся къ ремесленнымъ и торговымъ занятіямъ, должны оставаться въ школахъ до двѣнадцати и четырнадцатилѣтняго возраста, остальные до восемнадцати-

лѣтняго. По окончаніи курса въ школѣ, молодыхъ людей, предназначенныхъ въ военную службу, слѣдуетъ посылать въ гарнизоны и гавани для практическаго изученія ихъ специальностей, а готовящихся въ гражданскую службу въ университеты или дворянскіе институты (Ritterrkardemine). Лейбницъ считалъ нужнымъ устроить въ самомъ университетѣ коллегіи, или бursы, гдѣ бы былъ надзоръ за молодыми людьми. Вѣроятно, ему правилось болѣе устройство англійскихъ университетовъ. Въ университетахъ каждый студентъ, несмотря на различіе факультетовъ, долженъ былъ нѣкоторое время посвятить своему общему образованію, и такъ какъ ничто, по мнѣнію Лейбница, не содѣйствуетъ такъ умственному развитію, какъ математическія науки, то всякій студентъ, какого бы факультета онъ ни былъ, долженъ былъ посѣщать нѣсколько времени лекціи математики и механики. Говоря объ устройствѣ отдѣльныхъ факультетовъ, Лейбницъ высказываетъ свое практическое, утилитарное направленіе: вездѣ, гдѣ можно, онъ имѣетъ въ виду практическое примѣненіе науки къ жизни. Постоянно имѣя въ виду связь науки съ жизнью и огромную важность первой для послѣдней, Лейбницъ, совершенно естественно, долженъ былъ высоко цѣнить общественное значеніе ученыхъ и учителей и съ полнымъ правомъ требовать, чтобы не держали ихъ въ черномъ тѣлѣ, какъ въ тогдашней Германіи, но поставили бы профессоровъ наравнѣ съ высшими чиновниками въ главныхъ городахъ и при дворѣ, а учителей—съ высшими чиновниками въ провинціи.

Насколько можно судить изъ приведеннаго, Лейбницъ придерживался болѣе утилитарнаго характера въ образованіи. Обученіе языкамъ у него имѣетъ въ виду неформальное развитіе, а реальное знаніе ихъ, знаніе, необходимое и въ житейскомъ быту (въ торговлѣ, въ сношеніяхъ съ иностранцами) и въ научной дѣятельности. Утилитарное направленіе Лейбница видно и въ томъ, что онъ вводитъ въ число предметовъ обученія основанія хозяйства, ручныя работы, напримѣръ, токарное искусство, рѣзбу и т. д. Самое физическое воспитаніе было приурочено къ такимъ занятіямъ, которыя въ то время, когда преобладала военная служба, могли быть полезны и внѣ школы,—къ фехтованію и верховой ѣздѣ. Справедливость требуетъ сказать,